

Альберт Байбурин, Александра Пиир

Счастье по праздникам¹

**Альберт Кашфуллович
Байбурин**

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

**Александра Михайловна
Пиир**

Европейский университет
в Санкт-Петербурге

I. Фоновые представления о счастье в русской культуре

Чтобы понять специфику феномена советского счастья, попытаемся кратко описать традиционные представления о счастье в русской культуре. Со времен выхода словаря В. Даля (первое издание 1863 г.) для слова *счастье* выделяется два круга значений. Первый описывается с помощью таких понятий, как *удача*, *случайность*, *желанная неожиданность*. Второй соотносится с представлениями о *блаженстве и полном осуществлении желаний*. Описанию этих значений посвящены появившиеся в последнее время работы о концептуализации *счастья* в русской языковой картине мира [Воркачев 2001; Шмелев 2002; Колесов 2002; Залялеева 2004 и др.]. Предпринимаемые попытки выявления семантических констант слова *счастье* оставляют впечатление, что за пределами внимания остается нечто весьма су-

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность Катрине Келли за многочисленные сообщения и дополнения.

щественное, быть может определяющее характер русского *счастья*. Имеется в виду комплекс представлений, связанных со своего рода метафизикой счастья в русской традиции.

Хорошо известно, что оба упомянутых комплекса значений восходят к представлениям о доле, участи, судьбе. Внутренняя форма слова *счастье* достаточно прозрачна: основным морфологическим и семантическим компонентом является *-часть*. Для начального *съ-* с редуцированным гласным реконструируется значение 'хороший, добрый', и таким образом все слово трактуется как 'хорошая часть', 'добрая судьба' [Фасмер 1971: 816]. Показательно, что еще в прошлом веке слово *часть* могло использоваться в значении 'счастье' и наоборот: *счастье* в значении 'часть', например, в выражения типа *своей части (участи, счастья) не минует; час придет и часть (долю, счастье) принесет; сидень сидит, а часть (доля) его растет* и др. [Даль 1955 IV: 583].

А.А. Потебня в свое время отметил устойчивые свидетельства того, что, по русским представлениям, *на свете есть определенное количество счастья и несчастья, болезни, добра и зла, и нет избытка ни в чем. Если один заболевает, то значит к нему перешла болезнь, оставивши или уморивши другого* [Потебня 1989: 486]. Точно так же, если кому-то посчастливилось, то это означает, что у другого случилось несчастье (*счастье переходя живот*). Из этого следует несколько важных положений.

Во-первых, существует некое совокупное счастье всех людей.

Во-вторых, его «объем», его «количество» как бы изначально определено и является величиной постоянной.

В-третьих, судя по многочисленным текстам, речь может идти о своеобразном принципе дополнительности или компенсаторности: сколько в одном месте убыло, столько в другом прибыло [Журавлев 1999: 114]. Причем этот принцип распространяется не только на счастье (долю), но и на все то, к чему применимо понятие *меры*. В полном соответствии с этими представлениями, Господь Бог не умножает блага, а лишь распределяет их между людьми (ср. пословицу *Бог не гуляет, а добро перемеряет*). Он не может уменьшить или увеличить количество благ, но может кому-то дать больше, а кому-то меньше. В любом случае каждому человеку достается своя порция счастья и несчастья. У каждого своя доля. Можно сказать, что разнообразие воплощений счастья было заложено в самих представлениях о природе счастья.

Именно в этом направлении и эволюционировали представления о счастье. В конечном счете тенденция к разнообразию представлений о счастье вылилась в довольно распространен-

ное убеждение в том, что у каждого человека свое представление о счастье. На первый взгляд, это вполне правдоподобно, но следует иметь в виду, что реально в каждой культурной традиции количество «моделей счастья» вовсе не безгранично. Объясняется это тем, что индивидуальные представления о счастье должны согласовываться с аналогичными представлениями других членов сообщества, т.е. иметь (хотя бы частично) общий смысл. В противном случае не существовало бы самого понятия счастья, поскольку не было бы общего предмета обсуждения¹. Исследования, проведенные на материале русской литературы и публицистики [Воркачев 2001; Залялеева 2004 и др.], подтверждают возможность типологизации представлений о счастье (и это при том, что, например, поэтические образы счастья в максимальной степени отмечены печатью своеобразия и индивидуальности).

Выявление «типов счастья» может основываться на таких признаках, как локализация счастья (его пребывание в самом человеке или вовне), связь счастья с состоянием покоя или активной деятельности, условия его обретения и др. Сочетания этих признаков лежат в основе наиболее распространенных концепций счастья. Например, концепция «простого человеческого счастья» включает представления о том, что источник счастья находится во внешнем мире и человек должен уметь наслаждаться теми ценностями, которые он замечает только тогда, когда они пропадают. В таком случае счастье ассоциируется с покоем, привычным течением жизни, способностью радоваться самым обыкновенным вещам: «А счастье всюду. Может быть, оно / Вот этот сад осенний за сараем / И чистый воздух, льющийся в окно» (Иван Бунин). С этой, условно говоря, эпикурейской концепцией счастья соседствует «стоическая» концепция, в соответствии с которой счастье заключено в самом человеке, в его способности отстаивать добродетель, не поддаваться на искушения, и если это удастся, то человек в любых условиях может оставаться счастливым: «Но истинное счастье / Нигде, как в нас самих» (Евгений Баратынский). Достаточно распространенной была и концепция отрицания существования счастья либо его иллюзорности («На свете счастья нет, но есть покой и воля»; «Счастья призрак ложный» (Александр Пушкин)).

¹ Разумеется, не только это сдерживало рост разнообразия представлений о счастье. Теоретически бесконечное разнообразие образов счастья ограничено и возможностями языка. Другими словами, о счастье (как и о любом другом объекте) можно сказать только так, как допускает язык, а он всегда стремится придать любому абстрактному понятию предметный смысл [Успенский 1979]. Это приводит к тому, что каждое абстрактное существительное может сочетаться только с ограниченным набором предикатов (так называемые связанные сочетания). По-русски можно сказать, например, *счастье разбилось* (как разбивается стекло или зеркало), но нельзя сказать, что *счастье промокло или просохло*. Поэзия старается расшатать эту жесткость языковой структуры. Но даже в поэтических текстах от связанных сочетаний никуда не уйти.

Существовали и другие, менее распространенные концепции счастья¹. Из всего концептуального багажа наиболее востребованной в советское время стала «романтическая» концепция, в которой счастье связывается с борьбой, страстями, жертвенным служением высшим идеалам: «Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья. / Россия вспрянет ото сна / И на обломках самовластья / Напишут наши имена» (Александр Пушкин). Характерно, что столь разные представления о счастье могут принадлежать одному поэту, и показательно, что лишь последние строчки вошли в советские учебники литературы.

Свой вклад в формирование представлений о счастье внесла и популярная литература, ориентированная на массового читателя. Если даже просто посмотреть на заглавия брошюр, начинающихся со слова «счастье», то обнаружится интересная картина: читателю буквально растолковывается, в чем заключается счастье.

Счастье — в довольстве жизнью и в умении пользоваться дарами божиими. Н.-Новгород: Братство св. Креста, ценз. 1908. 4 с.

Счастье и богатство, здоровье и сила. Постное дешевое питание. Неизвестная [псевд.]. [СПб.], тип. Д.И. Шумахер, [1908]. 18 с. 23 см. В конце предисл.: Неизвестная Э.Ф.К.

Счастье в жизни и любовь от всех. Вологда, 1909. Кенин О.С.

Счастье в здоровье. СПб.: тип. Ю. Майофельд, [1909]. 32 с.

Счастье семьи. [О страховании. СПб.]: тип. Буссея, [1909]. 1 л., слож. в 7 с.

Счастье в жизни до высшей старости — здоровые, устойчивые и выносливые нервы. Выборг, 1916.

Если судить по этим заглавиям, получается, что счастье так или иначе связано с физическим и нравственным здоровьем, семьей и семейными ценностями.

II. Контуры нового счастья

Таков (очень примерно) тот фон, на котором в советское время были совершены эксперименты над счастьем. Картина разнообразия переживаний счастья была приведена к невиданному прежде единообразию, точнее, общему знаменателю, который нивелировал все индивидуальные образы счастья и свел их к некоему высшему «государственному счастью». В этом смысле

¹ Подробнее о «типологии счастья» см. [Воркачев 2001: 47–54].

очень показательны слова, которыми заканчивается знаменитая повесть Гайдара «Чук и Гек», вышедшая в 1939 г.:

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

В этой статье речь пойдет о новом понимании счастья, сформированном в сталинскую эпоху. Именно в сталинское время сложился новый канон счастья, который оказался настолько устойчивым, что оставался актуальным и в постсталинское время, да и сейчас еще вполне живет. Естественно, что речь пойдет о том понимании счастья, которое поддерживалось партийным руководством. Главными конструкторами этого «официального счастья» были советские поэты и писатели, художники и кинорежиссеры, точнее, те из них, кто не только улавливал «требования эпохи», но и был готов к тому, чтобы донести эти требования до народных масс в понятной им «художественной» форме.

Для того чтобы очертить контуры «сталинского счастья» и сравнить его с фоновыми представлениями о счастье, попробуем ответить на несколько вопросов, неизменно возникающих при рассмотрении диахронически разных «вариантов» счастья.

Откуда счастье берется или кто является его подателем? Как говорилось выше, традиционно считалось, что подателем счастья является Господь Бог. В сталинском государстве его функции приписаны вождю, который, будучи человеком скромным, допускал, чтобы иногда в роли подателя счастья фигурировала коммунистическая партия или государство, Родина. Впрочем, Сталин, партия и государство осознавались как бесспорные синонимы. В формулах благодарения эти отождествления вполне очевидны: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», «Спасибо Родине и партии!» (неважно за что). Полная формула включает все три ипостаси Вождя.

Каков характер обретения счастья? Поскольку раньше распорядителем счастья считался Господь, чьи дела неисповедимы и недоступны разумению человека, то сам процесс обретения счастья считался случайным. Счастье может прийти не только к тому, кто его заслужил или хотя бы достоин, но и к тому, кто в глазах простых смертных его недостоин. Более того, случай настолько случаен, что повезти может и достойному, но ему все же ближе недостойный (от этого случай выглядит еще более непредсказуемым). Такая исключительная роль случайности в распределении счастья привела к тому, что счастье непосредственно ассоциировалось не столько с Богом, сколько со Слу-

чаем, который в русской традиции вообще занимает особое место (вплоть до персонификации — *Его величество Случай*) и в частности «распоряжается» счастьем (*счастливый случай*).

Разумеется, в этой ситуации особое значение приобретала проблема справедливого распределения счастья, которая компенсировалась идеей посмертного воздаяния по заслугам. Одно из самых распространенных представлений о распределении счастья заключалось в том, что наиболее достойные люди не получают его при жизни. Зато они обретают посмертную славу, компенсирующую то, что человек недополучил. Это не означает, что счастья по заслугам при жизни не бывает, но оно случается гораздо реже, чем счастье по случаю и посмертное воздаяние по заслугам.

Ни один из прежних способов обретения счастья не устраивал нового Подателя. Счастье, как и все на свете, должно подчиняться определенным правилам — его правилам. А это значит, что счастье должно быть только закономерным. Однако проследить заслуги каждого (даже имея в своем распоряжении самый мощный аппарат слежки) довольно сложно и хлопотно. Гораздо проще осчастливить весь народ. Но как это сделать в, мягко говоря, довольно специфических экономических и социальных условиях? Довольно просто: для этого нужно сделать счастье не личной, а общественной категорией и наполнить его нужным для построения нового общества содержанием.

Никого не интересовало, хорошо человеку или плохо на самом деле. Категория личного счастья сверху не просматривалась, да и не интересовала власть. Счастье приобрело другой масштаб: «всеобщее счастье». Под «всеобщим» понималось счастье всех трудящихся, мирового пролетариата, советских людей. Ближе к человеку счастье упоминается только в том случае, если оно соответствует искомому идеалу, например если конкретный человек считает счастьем *погибнуть в борьбе за всеобщее счастье* (весьма распространенное в те времена выражение). Известная формула пожелания «счастья в личной жизни» появилась уже в послесталинское время и особенно характерна для брежневского и последующих периодов. В любом случае личное счастье оказывается приемлемым тогда, когда оно соответствует коллективным устремлениям¹.

Вообще сфера личного, приватного в сталинскую эпоху предельно сжимается. Человек со всеми его эмоциями (в том числе и с переживанием счастья) должен быть на виду. Советскому человеку нечего скрывать. Скрывать что-то может только тот,

¹ О соотношении коллективного и индивидуального в советской жизни см. интересную книгу Олега Хархордина [Хархордин 2002].

кому не по душе Советская власть. Конечно, это не означает, что личная сфера исчезла. Скорее, она стала гораздо более по-таенной, чем прежде, и соответственно более значимой для всех тех, чья жизнь не укладывалась в отведенные советскому человеку рамки.

В чем же заключалось это универсальное, надчеловеческое счастье? Оказывается, это счастье состоит уже в том, что человек является советским гражданином и живет в советской стране (своего рода *счастье по паспорту*). Это условие дает ему возможность дополнительного приобщения к счастью: бороться за светлое будущее, умереть за свою Родину или более приземленный, но полезный во всех отношениях вариант: трудиться, не жалея сил, на благо своей Отчизны. Поскольку от последнего сплошная польза, то в мирное время именно этот вариант (*счастье в труде*) вдохновлял советских художников, поэтов и писателей. В 1994 г. в Русском музее в Петербурге состоялась выставка «Агитация за счастье», на которой были представлены монументальные полотна, воссоздававшие официальную атмосферу «социального оптимизма» 1930–1950-х гг. («Знатные люди страны Советов» Василия Ефанова, «Физкультурный парад» Юрия Пименова, «Гимн Октябрю» Александра Герасимова и др.). Сцены героического труда и быта представлены в многочисленных плакатах этой эпохи. Можно сказать, что призывы к счастью были поставлены на индустриальную основу¹.

Призывы к счастью вовсе не предполагали, что счастье может быть обретено здесь и сейчас. Оно неизменно локализовалось в будущем. И не случайно постоянными определениями для самого будущего стали такие, как «светлое» или «счастливое».

Другими словами, советское счастье является типичным примером так называемого *отложенного счастья*. Собственно, в этом и заключалась коммунистическая идея: когда-нибудь наступит *всеобщее счастье*, а сейчас нужно отдавать все свои силы для того, чтобы это светлое будущее наступило. Предполагалось, что потомки тех людей, которые живут сейчас, будут жить в совершенном обществе, где царят изобилие и братская любовь. В коммунистическом раю наступит именно всеобщее счастье, а это значит, что прежние варианты (*по случаю* и *по заслугам*) просто перестанут существовать. Да и счастье будет совсем другим, «настоящим», какого не было до советской эпохи

¹ Кстати, таким же индустриальным способом советский народ приступил к созданию главного символа неизбежно приближающегося социалистического рая — города-курорта Сочи. В 1934 г. советское правительство объявило курорт ударной стройкой, такой же, как индустриальные гиганты Магнитка, Кузбасс и ДнепродзЭС. По прошествии лет стало очевидно, что под названием «курорт» советские вожди учредили «социалистический рай», попасть в который могли только избранные: Стаханов, Николай Островский, Василий Блюхер... (об этом повествует вышедший в 2006 г. любопытный фильм Елизаветы Листовой «Советская империя. Сочи»).

(таким образом, полагается, что прежде счастья не было или оно было ненастоящим).

Советский Союз строил светлое будущее на протяжении 70-ти лет, и чем дольше он строил, тем дальше оказывалось это всеобщее счастье¹. Однако эта утопия долгие десятилетия была для многих советских людей главной мотивацией смысла жизни. Не случайно, когда вся конструкция неминуемого счастья рухнула, многие представители старшего поколения считали, что лишились смысла жизни.

На протяжении нескольких поколений формировалась своего рода привычка к *отложенному счастью*, которое необходимо заслужить жертвенной жизнью в настоящем.

Идея *жертвенного счастья* не только стала актуальным девизом (*и как один умрем | в борьбе за это*), но и лежала в основе стратегии воспитания подрастающего поколения. После выхода книги Н. Островского «Как закалялась сталь» (первое полное издание вышло в 1935 г.) образцом для подражания на многие десятилетия становится образ Павки Корчагина. Школьные сочинения на тему «Как я понимаю счастье» строятся по неизменной схеме: сперва нужно было изложить понимание счастья Павкой (счастье в борьбе, за него нужно отдать свои силы и даже жизнь), а затем собственное понимание, обязательно созвучное Павкиному. На сайте *Школа №8* и сейчас предлагается классическое сочинение на тему «Как понимал счастье Павка Корчагин и как понимаю его я». Приведем лишь небольшой отрывок:

Я счастлива потому, что у меня есть Родина, за которую не страшно отдать силы и жизнь... У меня есть силы, чтобы воспитывать себя и работать, у меня не связаны руки, чтобы бороться за свою идею, мне никто не ломает крылья, которые мне подарила родная земля, чтобы я могла творить и любить. И, наконец, эпилог: Павел Корчагин отдал свою юность, чтобы была счастлива я. Мой долг — отдать все свои силы, чтобы были счастливы мои дети. Вот оно — мое счастье! <www.school-city.by/index.php?option=com_content&task=view&id=5385&Itemid=141>.

В дневнике Давида Самойлова (Кауфмана) (он вел его в пятнадцатилетнем возрасте в 1935–1936 гг.), изданном под названием «Дневник счастливого мальчика», встречается очень близкая риторика: *Моя любимая мечта — это смерть за нашу страну, за мою идею. Я вступаю в комсомол и в случае войны пой-*

¹ Впрочем, были моменты, когда, с точки зрения лидеров партии, оставалось рукой подать до заветной черты. На XXII съезде КПСС (1961) Н.С. Хрущев пообещал, что уже к 1980 г. «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

ду первый на фронт, чтобы победить. Пускай мне мало лет! Дети Парижской коммуны сражались так же, как и взрослые [Самойлов 1999: 156].

Многие отмечали парадокс: лагеря, сталинская инквизиция, и как раз в это время создаются самые веселые и жизнерадостные фильмы («Веселые ребята», 1934 г. — первая действительно популярная советская комедия, «Волга-Волга», 1938 г., и др.) и самые оптимистичные песни:

Над страной весенний ветер веет.
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!

(«Песня о Родине», написанная в 1936 г. Василием Лебедевым-Кумачом и Исааком Дунаевским для фильма «Цирк».)

Со съемок комедии «Веселые ребята», которые проходили на берегу Черного моря, в Гаграх, оператор фильма писал: «Мы снимаем жуткую халтуру, причем несомненную, но успех будет ошеломляющий». Автор сценария драматург Эрдман не успел вкусить от этого грандиозного «пирога» успеха. Его арестовали тут же в Гаграх¹ [Киселева 2002].

Еще один существенный вопрос: **каким образом реалии сталинской эпохи так легко уживались не только со счастьем официальным, но и с вполне человеческим?** Что касается официального счастья, то здесь все более или менее понятно. Оно и было скроено под них. Быть счастливым — это гражданский долг каждого советского человека. Получается, что в этом смысле счастье — это преданность государству и существующему строю.

Что касается второй части вопроса (каким образом бесчеловечный характер сталинского режима уживался с вполне человеческим счастьем), то на него ответить могут лишь те, кто жил в то время. Г. Медведева в предисловии к «Дневнику счастливого мальчика» Д. Самойлова пишет:

Счастье может произойти и происходит в самые объективно черные времена, и это один из возможных ответов на сегодняшний вопрос: «А как же вы жили в годы террора, войны, застоя и т.д.?». Тут я всегда вспоминаю поразительную историю, пересказанную драматургом Александром Gladковым со слов Б.Л. Пастернака: двое влюбленных в Петрограде, замороженные друг другом, не заметили революции 17-го года, просто не знали, что она произошла... [Самойлов 1999: 149].

¹ Николай Эрдман был сослан в Сибирь, а его имя было вычеркнуто из титров фильма.

Как писал Е. Евтушенко в своем стихотворении «Сталинское счастье», *маленькие счастья посреди большой беды* тоже случались, и случались они гораздо чаще, чем можно предположить.

И после смерти Сталина, несмотря на периоды «оттепелей» и «заморозков», сталинский канон счастья не претерпел существенных изменений. Для того чтобы выяснить характер соотношения официального и личного счастья в позднесталинский и последующие периоды советской истории, мы провели небольшое исследование. Нас интересовало соотношение официальной концепции и личных переживаний счастья. По-видимому, наиболее показательным контекстом для этого являются государственные праздники.

III. Счастье по праздникам¹

Два варианта счастья — официальное и личное — нетривиальным образом соединялись в государственном празднике. Наверное, можно обнаружить и другие случаи их объединения, но праздник — это, пожалуй, единственный контекст, в котором два вида счастья регулярно совмещаются. И не только потому, что официальный праздник по самой своей природе делился на две части — публичную (демонстрация) и частную (в кругу семьи), но и по другим причинам.

Во-первых, устойчивы имплицитные представления, что во время праздника «коллективное счастье» перераспределяется другим, более справедливым образом, чем в повседневной жизни. Эти представления имеют глубокие корни. Например, и в деревенской, и в городской традициях во время праздников приглашали нищих в дом, угощали и одаривали их. Предполагалось, что в эти дни все должны обрести свою долю счастья, причем одинаковую. На время праздника устанавливалось всеобщее равенство по отношению к коллективному счастью.

Во-вторых, во время праздника все на виду, «на людях». Поэтому нельзя воспользоваться нечестным/незаслуженным счастьем (благотворением), как нельзя надеть украденные ордена — это сразу обнаружится. Иными словами, на празднике человек независимо от своего желания еще и предъявляет свое личное счастье на людской суд. И всякий праздник гарантирует возможность быть счастливым каждому, хотя бы через сопричастность

¹ Советские праздники изучались как российскими, так зарубежными историками. Основное внимание уделялось довоенному периоду. См. напр.: [Von Geldern 1993; Малышева 2005; Lane 1981; Petrone 2000; Душечкина 2002] и др. В отличие от этих исследований (ориентированных главным образом на историческое описание праздников) в нашей работе предпринимается попытка описания *восприятия* советских праздников.

общему счастью. С этой точки зрения, человек, избегающий праздника, вызывает подозрение. Если он не хочет разделить общее счастье и получить свою заслуженную долю, вероятно, у него есть какое-то свое, нечестное счастье, которое он скрывает. И это, конечно, не только советское представление.

Мы рассмотрим «советское праздничное счастье» на материале специально собранных для этой цели интервью¹. Поскольку нашим материалом являются воспоминания людей о времени их детства или молодости, т.е. устно-исторические источники, вопрос о достоверности (аутентичности) излагаемых в них событий мы опускаем как нерелевантный. Очевидно, что память людей сохраняет воспоминания о событиях избирательно и фрагментарно; очень часто это происходит под влиянием восприятия происходящего или более позднего осмысления событий. В данных текстах нас как раз интересовал не столько событийный, сколько эмоциональный аспект — восприятие и переживание людьми государственного праздника как одной из официальных моделей советского счастья.

«Главные» праздники

Когда речь заходит о праздниках сталинской (и шире — советской) эпохи, информанты, как правило, имеют в виду государственные (официальные) праздники, «главными» из которых считались, конечно, годовщина Октябрьской революции и 1 Мая.

Инф.: *Праздник статуса. Со своим высоким статусом, понимаешь, в чем дело. Не праздник — день рождения, условно говоря, даже юбилей, — а это праздник с высоким статусом* [Н-07, PF1, женщина 1939 г.р.].

Разумеется, упоминаются и другие государственные праздники (23 февраля, 8 марта и др.), но гораздо реже. Из религиозных праздников фигурируют в основном Рождество и Пасха. Безусловно, в течение советской эпохи праздники меняли свою значимость. Происходило снижение энтузиазма по поводу

¹ Основной корпус интервью был записан в Петербурге в 2007 г. (далее — Н-07, PF1... PF12); полевые материалы хранятся в архиве авторов. Нашими информантами были шесть мужчин и шесть женщин 1918–1940 г.р., разного социального происхождения (из семей рабочих, служащих, военных, советской интеллигенции), все имеют высшее образование (большинство техническое). Одному из информантов приходилось в свое время заниматься комсомольской и партийной работой, в т.ч. наблюдать демонстрацию с трибуны или вести районную колонну демонстрантов; другой информант с молодых лет был настроен вполне антисоветски (как он утверждает, был диссидентом). Все, за исключением одного, родились и жили в Ленинграде или переехали сюда в раннем детстве. Кроме того, в статье использованы материалы двух интервью, записанных А. Пиир ранее (оба в Петербурге): в 2001 г. — по теме ее исследования, посвященного ленинградским дворам [ЕУ Пб-01, ПФ-10], и в 2003 г. — в рамках проекта «Childhood in Russia: A Cultural and Social History» под руководством профессора Катрионы Келли (University of Oxford), поддержанного фондом Leverhulme Trust, грант № F/08736/A [Oxf/Lev SPb-03 PF14, 15, 16].

1 Мая и 7 ноября и, наоборот, повышение статуса Дня Победы. Празднование 23 февраля и 8 марта приобрело особенную популярность на предприятиях и в организациях. Ослабление борьбы с религиозными настроениями позволило многим отмечать Рождество, Пасху и другие религиозные праздники. Вместе с тем на протяжении всего периода, о котором шла речь в наших интервью (1930—1980-е гг.), 7 ноября и 1 Мая сохраняли свое значение «главных» советских праздников, которые совершались по полному сценарию, т.е. включали демонстрацию и парад. В ряде случаев они могут даже не упоминаться при перечислениях, поскольку само упоминание кажется избыточным; в других контекстах «главные» праздники фигурируют как нечто само собой разумеющееся, «святое». Ср. показательное высказывание человека, родившегося уже брежневскую эпоху:

Соб.: *А что за праздники праздновались в семье?*

Инф.: *Ну это как обычно, да? Новый Год, день рождения, ну и святое дело — демонстрации.*

Соб.: *Демонстрации — это святое?*

Инф.: *Да, обожали, да [Oxf/Lev SPb-03, PF14, женщина 1969 г.р.].*

Как видим, демонстрация считалась настолько важной частью праздника, что и весь праздник мог называться «демонстрацией». Именно на демонстрации как центральной части советского праздника будет сконцентрировано внимание в этой статье.

В наши задачи не входит подробное описание самой демонстрации. Важнее разобраться, из чего складывалось то ощущение праздника, о котором так охотно рассказывали наши информанты.

Демонстрация

Вообще говоря, советская демонстрация — удивительное явление. В дореволюционной России (как и в других странах Европы) демонстрация была способом выражения политического протеста, формой борьбы трудящихся масс за свои права. После революции усилиями властей демонстрация изменила свой смысл на прямо противоположный. Точнее, ее протестный характер был перенаправлен за пределы страны — на внешнего «врага», «силы мирового капитализма» и т.п. (например, официально 1 Мая считалось «Днем смотра боевых сил международного пролетариата»), в то время как в самом советском отечестве она превратилась в демонстрацию «единства партии и народа». При этом «народ» должен был демонстрировать свои успехи в деле построения коммунистического общества и выражать одобрение «избранному курсу», а «партия» в лице совет-

ских и партийных функционеров должна была принимать этот «парад преданности» и призывать «народ» к свершению новых трудовых подвигов. Кроме властей, располагавшихся на трибунах, других зрителей не предполагалось. В идеале все люди, вышедшие на улицу, должны были составить ряды демонстрантов. Реально все становились и демонстрантами, и зрителями. Не случайно говорят, что на демонстрацию ходили «людей посмотреть и себя показать».

Парткомы и руководство предприятий и организаций создавали демонстрациям далеко не праздничный контекст. В их обязанности входило обеспечение явки (фразеологизм партийного языка), к чему приступали заранее.

Инф.: *Уже накануне... если, вот скажем, в октябре бывало партийное собрание, а собрания должны были быть ежемесячно, то принималось решение, обязывающее всех коммунистов пойти на... на демонстрацию. Так сказать, напоминали. Это делалось не в приказной форме, но на всякий случай как бы принималась резолюция о том, что вот, там партийное собрание считает, что большинство или там все коммунисты должны по возможности там или там с условием принять. Ну это не в абсолютной форме, что это приказ, но во всяком случае уже партийный долг. Комсомол этим делом не занимался, но там тоже комсомольские организации собирали комсомольцев перед праздниками: «Вот там будет 7-е ноября, имейте в виду <...> собираемся во столько, там-то, надеемся всех вас видеть, приходите...» То есть какая-то подготовительная работа велась. Это так как бы уже напомирование [Н-07, PF9, мужчина 1929 г.р.]*

Память наших информантов не распространяется на 1920-е гг., когда, судя по сохранившимся свидетельствам, рабочие и служащие вынуждены были давать расписку об участии в демонстрации. Из письма ленинградца о первомайской демонстрации 1925 г.:

Чьей подписи не окажется, тот заранее был объявлен контрреволюционером. Во время шествия все разделились на десятки, и начальнику каждого десятка заранее объявлено, что он отвечает, если кто скроется раньше конца церемонии (цит. по: [Лебина, Чистиков 2003: 137]).

На протяжении последующих лет отношение к обязательности участия в демонстрации ощутимо менялось. Так, в 70-е гг. многие люди предпочитали пойти на демонстрацию «на всякий случай», чтобы не было осложнений по службе.

Инф. 1: *Ходили, но зачастую ходили, потому что боялись, что тебя отметят, что ты не был. <...> А это грозило, во-первых, выволочкой: «Как же так? Почему же Вы не были? Те-те-те-те-*

те...» А в дальнейшем это отражалось на каких-нибудь характеристиках, получении путевок...

Инф. 2: *Поездках за границу, да, путевок.*

Инф. 1: *Получении путевок — ненадежный. <...> Ну несознательный в общем человек! Вот надо вот так, а вот он взял и увернулся, и не пошел. А надо было. Ну вот. И, то есть, тут уже пошла вот такая вот... ну что ли... иезуитская что-то. Это был не приказ, а это было такое занудное требование. Что надо идти [Н-07, РФ6, Инф. 1 — женщина 1932 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1933 г.р.].*

По сценарию предполагалось, что участвующие в празднике люди демонстрируют свои трудовые достижения властям. То обстоятельство, что во время демонстрации происходит встреча власти с народом, предопределило ее жесткую регламентацию. Есть основания полагать, что демонстрация впитала в себя две традиции: крестного хода и военного парада. Первая проявляется в своего рода привычке к массовым шествиям, в воспитанной многими поколениями готовности принимать в них участие, наконец, в портретах вождей, которые заменили иконы¹. Вторая, пожалуй, более ощутима, поскольку из практики военных парадов были заимствованы не только лексика (*сборный пункт, маршрут движения, колонна, строй, марш и др.*), но и принципы организации демонстрации (построение, движение колоннами и т.п.).

Инф.: *Дело в том, что еще до войны этот праздник был запрограммирован. А с какой точки зрения? Маршруты движения колонн. Затем, характер оформления. Лозунги <...> которые должны нести люди. Портреты, которые они будут в руках [нести]. Место сбора колонны. Место присоединения, так сказать, данного подразделения к подколонне. Место слияния подколонны района в колонну района. И жесткий маршрут проведения [Н-07, РФ9, мужчина 1929 г.р.].*

Казалось бы, весь этот контекст должен противоречить самой возможности человека воспринимать навязанный и жестко регулируемый государственный праздник как праздник вообще, равно как и испытывать ощущение сопричастности ему и повсеместно прокламировавшейся «всемирной радости». Между тем воспоминания всех наших информантов создают иную картину.

«Мы родились, выросли в сознании, что это праздник»

Для подавляющего числа людей эмоциональное переживание демонстраций сопряжено в первую очередь с положительны-

¹ Ср. описание демонстрации 20-х гг., которая была принята жителями за крестный ход: перед портретами вождей люди крестились и падали на колени [Малышева 2005: 208].

ми, радостными эмоциями. Ностальгические нотки по утраченному праздникам советской эпохи явственно звучат даже в рассказе человека, называющего себя «диссидентом». Во взрослом возрасте он последовательно избегал любых официальных мероприятий, однако его детские воспоминания о демонстрациях звучат идиллически. Во многих случаях причину своего радостного восприятия советской демонстрации люди объясняют просто *знанием* того, что это праздник, и выработанной с детства *привычкой радоваться* в этот день.

Соб.: *А что вообще создавало атмосферу праздника 1-го Мая, 7-го ноября?*

Инф.: *Вы знаете, просто вот сознание того, что это праздник. Вот так всё, на душе было праздник. Это сознание того, что праздник, на самом деле праздник. Мы его знаем, это праздник у нас с детства праздник наш!* [Н-07, PF2, женщина 1921 г.р.].

Инф.: *В принципе мы родились, выросли в сознании, что это праздник. Почему, кто, что, когда, какие-то стачки, маевки — это уже потом чё-то проходили в истории. Это не имеет значения! 1-е мая — это праздник, это весна. И всё* [Н-07, PF6, женщина 1932 г.р.].

Инф.: *Значит, как ребенок вовлекался в праздники? Брели детей на демонстрацию. Мы сидели на шеях у пап и мам с красными флажками. Плюс к тому эта мишура праздничной торговли, эти чертики — знаете, нет? — «уйди-уйди». Надуваешь его, а потом он так: «Уйди-уйди-уйди-ни-ни-ни...» Это «уйди-уйди» там, флажки красные... потом [тещин] язык разворачивается, шарики, это все прочее. <...> Это все в изобилии продавалось, это покупалось. И дети... или они шли на плечах крепких родителей, отцов. <...> Либо, если он уже мог ходить, там ему десять, двенадцать лет, он за руку шел и демонстрировал, так сказать, свою мощь, свою солидарность. Ну, конечно, смысл этих праздников абсолютно не доходил. Просто было ясно, что это праздник — много людей, играет музыка, продают мороженное, да? Все очень нарядно одеты, у всех нормальное настроение и так далее, играет музыка. Все потом куда-то идут. Идут на Дворцовую площадь. Потом растекаются обратно по домам* [Н-07, PF 9, мужчина 1929 г.р.].

Усвоенные с детства *знание* главных праздников и *привычка радоваться* по их случаю позволили партийным властям не прибегать со временем к слишком жестким методам привлечения населения на демонстрации. И если в середине 1920-х гг. требовались специальные санкции, а в мрачные 1930-е на людей воздействовал охвативший все стороны жизни страх, то в после- сталинское время участие в демонстрации для большинства казалось само собой разумеющимся или, по крайней мере, так преподносилось.

Инф.: *Просто собирали и говорили: «Завтра, в десять часов мы все...» Ну как бы преподносилось это так, что не может быть иначе. Это не приказ! Это просто оповещение, что завтра мы собираемся там-то и там-то. Никто [стучит кулаком] не кричал и не стучал. <...> Это само собой разумеется, что иначе быть не может. А как же [еще]? [Н-07, РФб, женщина 1932 г.р.]*

Праздники и репрессивный фон

Противоречивые составляющие эмоционального восприятия советского праздника в воспоминаниях людей могут принимать различные конфигурации. Кажется очевидным, что в ряде случаев одной привычки ходить на демонстрации и разделять «общенародную радость» должно быть недостаточно, чтобы справиться с переживанием мрачного, если не сказать зловещего, контекста — сталинских репрессий и нелегкой повседневной жизни — на фоне которого случались праздники. В этом отношении очень показателен рассказ школьной учительницы, которая говорит: «Ну вот в отношении репрессий там я ничего не знаю», — а буквально через минуту рассказывает следующую историю.

Инф.: *Это было 8-е ноября, праздник Великой Октябрьской революции. Праздник, причем, прекрасный. Мы очень любили эти праздники, потому что на улицах было празднично, шумно, громкоговорители говорили, все были в приподнятом настроении, пели, плясали, танцевали на улице. <...> Мы ликовали. Вот в душе было ликование. Вот Вы знаете, жили мы, несмотря там ни на что — сейчас говорят: коммунисты там, свободы не было. Мы жили так, ну по Есенину: «Если крикнет Русь [так!] святая: „Кинь ты Русь, живи в раю!“ Я скажу: „Не надо рая, дайте родину мою“». Вот, понимаете? Вот это чувство с детства. И я помню, что эти демонстрации и эти праздники общегосударственного масштаба, они создавали в нас вот эту гордость и ликование такое. Так было здорово! <...> Так вот, значит, 8-го ноября... А мама как раз постирала белье. Перед праздником, надо ж было постирать. Она постирала. А эта моя племянка маленькая, Надюшка, ну, соответственно писалась. Так как ведь не очень-то было много всяких материй. А так как я была в деревне, вот в сорок пятом году. И там когда-то немцы проходили. Потом их Красная армия хорошо выгнала, и они просто бежали, оставляя свои обозы. И деревенские люди себе расхватили все эти вот обозы. И там были парашюты немецкие — шелк, прекрасный белый шелк. Но на них свастика, черная свастика была. И этот шелк маме тоже дали. А она эту свастику куда? Эту свастику она на пеленку приспособила! А куда же ее еще? А выбросить-то жалко. <...> Значит, вечером, где-то уже в темноте, черный воронок [со смехом] подъехал! Понимаете? И постучали к нам, и сказали, значит: «Это ваше там*

белье висит на заднем дворе?» Мама говорит: «Да». — «Пойдемте». <...> Мы все как осиновые листья дрожали. Потому что мы слышали, что когда воронок черный, машинка такая подъезжает, то это всё, человека забирают [выделено нами. — А.Б., А.П.]. И потом она нам рассказывала, ну она папе рассказывала, что ее, значит, в Белый... фу, в Большой дом на Литейном. <...> Ее в кабинет в отдельный к начальнику завели и спрашивают: «А почему это вы фашистский флаг вывешиваете именно 8-го ноября?» Ну в общем мама там конечно со слезами, видно сама уже [поняла]: «Да какой же это флаг?! Это — пеленка! У меня маленький... маленький ребенок, моя, моя внучка, первая. Значит, вот. Нет, нет матери. Двое еще девочек. Надо же их одевать...» Ну в общем, там они долго ее там держали. Несколько раз допрашивали. Потом, значит, какой-то мужчина там, какой-то начальник сказал: «Ну ладно. Но только, пожалуйста, хоть вы ее и пеленкой сделали, все равно вывешивать такие вещи к 8-му ноября — это нельзя. Значит, чтобы немедленно это сожгите или выбросите ее. Вот это, тряпку». <...> В общем, все это у нас все прошло [ЕУ Пб-01, ПФ-10, женщина 1939 г.р.].

Получается, что случился как бы двойной праздник: всеми любимая годовщина революции и семейный — маму не посадили, хотя и вполне могли это сделать. Но при этом информанту о репрессиях «ничего не известно». За такой логикой повествования стоит и нечто другое. Свой рассказ о высших ценностях и идеалах (любви к Родине, безоговорочной вере в светлое будущее, торжество справедливости и пр.) женщина стремится очистить от того, что эти идеалы может принизить. Она прекрасно знает о том, что ликование народа 7–8 ноября можно противопоставить сталинские репрессии. Осознанно или нет, но она излагает свой частный сюжет (маленькая беда в сравнении с всенародной радостью), который, однако, не лишил ее и ее семью готовности ликовать вместе с народом и любить Родину. А кроме того, репрессии — это будни и к высокому праздничному сценарию не имеют отношения.

Судя по нашим интервью, неприятные сюжеты, которые предшествовали празднику или могли последовать за ним (навязывание участия в демонстрации, санкции в отношении «прогульщиков»), обычно не нарушали радостного восприятия и проживания самого события. Это разведение основной части праздника и его контекста могло происходить более или менее осознанно и оказываться своего рода «защитной реакцией».

Инф. 1: *Надо сказать, что поскольку мы выросли в этом лживом ажиотаже, и родители наши очень нас оберегали от диссидентства, от каких-то мыслей критического настроения, то мы воспринимали это как праздник! Это праздник, это всё! Ну конечно,*

ужасно неохота вставать рано утром и идти на де... Но на демонстрации уже весело! Уже весело, мы все вместе собрались, мы чего-то кричим, орем!

[И далее:]

Инф. 2: *Это еще подсознательное такое освобождение себя от... ну ты живешь в этом мире, в этих условностях, и во всем. Ну и черт и ними — веселиться так веселиться, и уже в этих условиях. Праздник был, что ж себе отравлять настроение.*

Инф. 1: *Было такое стадное чувство. Стадное чувство, которое было впитано с детства, оно превалировало над остальным. Но это уходило куда-то, это... уходило. Это противно и ладно, забудем об этом — праздник же. Ну, праздник же!*

Инф. 2: *Других-то не было праздников [Н-07, РФБ, Инф. 1 — женщина 1932 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1933 г.р.]*

«Освоение» праздника

Помимо разведения собственно праздника и его контекста существовали и другие способы превратить государственное торжество в событие, приносящее радость «простому человеку». Пожалуй, наиболее распространенными были различные варианты снижения высокого стиля официального праздника. Это могло выражаться, например, в изменении масштаба (с всенародного на свой, приватный), снижении самой идеи праздника (игнорировании «высокого» смысла и акцентировании «простых человеческих радостей»), пренебрежении к праздничной атрибутике или ироническом переименовании торжественной риторики (все варианты пародий на «Призывы ЦК КПСС» вплоть до современных, например, «Первомайские призывы ЦК КПСС ко всему растительному и животному миру» В. Патрышева — <<http://lib.luksian.com/textr/humor/224/>>).

Инф. 2: *Это, больше того, корпоративное мероприятие. Когда вот все вместе.*

Инф. 1: *Это надо сказать, очень сближает... коллектив. Потому что, пусть он там, если очень небольшой, так он просто группой, а если это человек там пятьдесят-шестьдесят, то это какие-то маленькие группы. Они перестраиваются по интересам друг с другом, что-то там обмениваются или что-то пьют или...*

Инф. 2: *У кого-то с собой бутылка коньяка в кармане. Потихонечку вот все так — раз.*

Инф. 1: *<...> Вот пока колонна стоит, ну тут идет саморазвлечение. Вот тут могут быть танц-пляс, песни, что угодно, и выпивка, и анекдоты, и что угодно. <...> Потом Марсово, на Марсово поле вываливалась вся эта толпа, и все разбрелись кто куда.*

Инф. 2: *Да, и первым делом, вот, ну если ты нес какой-нибудь портрет — притырить куда-нибудь, освободиться от него. <...>*

Инф. 1: *Потом уже он, никого не интересовало, где он. Это — эй! Кто-то там, очень партийный — нес и сдавал. А кто-то — не имеет значения. Вот, то есть вот, я хочу сказать, вот с точки зрения настроя это конечно был праздник. Там чего, трудящихся, что там — да Первомай. А!* [т.е. «наплевать»].

Инф. 2: *Все орут, и ты орешь.*

Инф. 1: *Да, «Ура-а-а!» А еще кричали: «Да здравствует ВКП и маленькое бэ!» [смеется]. Было и такое. Это уже было хулиганство откровенное, в политическом смысле слова. Ну вот. Но это было [Н-07, РФ6, Инф. 1 — женщина 1932 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1933 г.р.].*

Распространенным способом «освоения» государственных праздников и снижения их «всенародного» размаха оказывалось и установление своих, как сейчас бы сказали, корпоративных традиций — в противовес официальным. При этом некоторые из таких традиций (например, связанные с выпивкой) осознавались и изначально складывались как несовместимые с высоким праздничным контекстом и поэтому обыгрывались различные обходные пути, возможность радоваться празднику втихую, зато по-своему.

Инф.: *Были свои традиции. Ну в ЛИСИ¹ <...> была четкая традиция. Мы шли из ЛИСИ, <...> по Измайловскому шли до... Адмиралтейского проспекта, и по Адмиралтейскому уходили уже на площадь. И шли мимо здания (не помню, как оно называется), где львы стоят с этими огромными шарами, эти самые львы. Самое было хорошее — это в обязательном порядке на львов посадить, ну директора (тогда ректоров не было институтов) и деканов. И не спускать, пока они не дадут выкуп. <...> А выкуп — это было, ну как бы сказать, с каждого, ну это приблизительно пол студенческой стипендии. Ну вот стипендия была там двести или там триста² рублей. Вот сто всегда платили. На это потом все эти студенты, которые шли, они потом отрывались. Они покупали этот самый портвейн, там, ну неважно, что там [Н-07, РФ1, женщина 1939 г.р.].*

Инф.: *Я помню, что у нас в институте, где я работал, институте социально-экономических проблем, был один мужик. <...> У него было такое драповое пальто... или габардиновое пальто, такое серьезное. И он углубил [внутренний] карман этого пальто и в него вставлял нечто вроде грелки или резинового сосуда двухлитровой емкости, который заканчивался пробкой и шлангом. А шланг — он прокалывал [пальто] и проводил сюда под воротник. Сюда вот, как у космонавтов, да? Поэтому нажимал — и выпивал.*

Соб.: *А что у него там было?*

¹ Ленинградский инженерно-строительный институт.

² Речь идет о размере стипендии до денежной реформы 1961 г.

Инф.: *Водка. Два литра, потому что он еще угощал приятелей. <...> Все знали, что есть, можно было к нему прийти как на бензоколонку. И отпить. А он с великой радостью [нажимал]. Как бы он стоит, как будто ничего с ним не происходит. Но он нажимает, а мы ж все знаем, что если нажмешь, то польется! То есть вот началось, как бы такое, я бы сказал, обытовление этого праздника [Н-07, PF11, мужчина 1929 г.р.]*

Важно отметить, что разные этапы проведения демонстрации имели различную степень зарегулированности — от минимальной в начале шествия до максимальной вблизи трибуны. Каждый район города имел несколько *сборных пунктов*, где собирались предприятия и учреждения. Здесь происходили встречи, формировались *колонны*, в непринужденной обстановке люди веселились как могли. Прохождение мимо трибун (как акт единения партийно-государственных органов и народа) было кульминацией, с официальной точки зрения, но не с точки зрения самих демонстрантов. Судя по воспоминаниям, наиболее эмоционально насыщенной частью праздника было то, что предшествовало завершающему этапу.

Инф.: *Там транспаранты, там все веселые. И в колоннах. То есть вот в этой части больше было вот такого непринужденного общения и веселья, потому что они еще не сформированы как бы были, эти колонны, да? Да они скорее такие вот, как бы свободно люди организовывались, кому где было удобно и комфортно. И вот в таких небольших вот, локальных таких вот группках, и они как-то развлекались. И пели там, и плясали, да в общем... Вот ощущение праздника, да, было безусловно [Н-07, PF1, женщина 1940 г.р.]*

У каждого района был свой *маршрут*, рассчитанный таким образом, чтобы его колонны появились в нужное время на главной площади. По опыту предыдущих демонстраций люди знали маршрут «своей» колонны, и некоторые присоединялись к ней уже по пути, тем более что колонны двигались со многими остановками («Пройдут метров двести — остановятся. И так потихоньку шли»).

Предпочтение менее официальной и торжественной части праздника проявлялось и в том, что не все демонстранты доходили до трибун, да это и не входило в их планы, особенно в позднее советское время. По мере приближения к центру демонстрация оказывалась в отсеченном от остальных улиц коридоре с односторонним движением, образованном милиционерами, военнослужащими и грузовиками: ни примкнуть к ней, ни покинуть ее было невозможно. Поэтому те, в чьи планы не входила «демонстрация солидарности с властями», старались покинуть колонну еще до выхода на «финишную прямую».

Таких было совсем немного в довоенное время, но их ряды постоянно росли.

Инф.: *Я убежден в том, что до войны <...> не прийти на демонстрацию, а тем более уйти с нее без уважительной [причины] было, так сказать... ну за это конечно никого не преследовали, но это как бы было не принято. Уж если пришел, иди до конца. <...> А вот уже после войны, когда будет меняться энтузиазм и отношение к этому празднику, тут вообще происходила довольно серьезная утечка [Н-07, РФ9, мужчина 1929 г.р.]*

«Настоящие» праздники

Наряду с «главными» государственными праздниками, которые у многих людей, даже привыкших к ним с детства, создавали ощущение чего-то неестественного, искусственно сфабрикованного или навязанного, существовали праздники, которые были этого лишены и воспринимались как «настоящие». Из ежегодно отмечавшихся наши информанты называли только один такой праздник — День Победы. Однако описания его первого празднования в 1965 г. (только частично «срежиссированного») перекликаются с воспоминаниями о ситуациях спонтанного «всенародного ликования», случившихся окказионально. Для людей старшего поколения такими событиями могли стать встреча челюскинцев, папанинцев, Чкалова или участниц т.н. Дальневосточного перелета — Валентины Гризодубовой, Марины Расковой и Полины Осипенко. Младшие из наших информантов с восторгом, а порой и со слезами рассказывали о стихийном празднике по случаю полета в космос Юрия Гагарина. Подобные события становились для людей «настоящими», не навязанными им праздниками, которые вместе с тем могли проходить по привычному сценарию государственных праздников. В воспоминаниях о празднике 12 апреля 1961 г. этот сценарий разворачивается во всеобщие «стихийные» демонстрации, проходившие, по утверждению наших информантов, по всей стране.

Инф.: *Мне казалось, что это вот прямо, чуть ли — услышали [о полете Гагарина], выбежали все на улицу и в чем мать родила, и карандашом на чем-то белом писали, и побежали. И машины, видимо, и встали. Они тоже наверно слышали. <...> Но все, что я видел — это первая [демонстрация] без красных лозунгов «Вперед — к победе коммунизма». <...> И идут парни, молодые девчонки, обнимаются, целуются! Ну и я там к ним не подсоединился, я просто шел, смотрел. Думаю: ну вот, вот это, это — да! Вот это, это, вот это хорошо! Так сказать, что это не «Да здравствует Советский Союз» и прочее [смеется] [Н-07, РФЗ, мужчина 1940 г.р.]*

Инф. 1: 9-е мая, это конечно праздник, ну совершенно другого плана. Он как бы... ну не советский праздник, а всехний. Вот так вот. Потому что отрицания не вызывало.

Инф. 2: Ведь 9-е мая не вызывало этих самых, каких-то отрицаний. Тем более тебя на демонстрацию не гнали. [И далее:] Нет, 9-е мая выпадало. Это была не идеологическая какая-то, была внутренняя потребность вот отметить этот день.

Инф. 1: Да, особенно если там были ветераны. Люди, которые прошли весь этот ужас. <...> Если там еще ветераны присутствуют, то заготовишь там какие-нибудь цветочки, какие-то сувениры им, каждому. То есть это святое. Это внутренняя потребность, это никакого натиска [Н-07, PF6, Инф. 1 — женщина 1932 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1933 г.р.].

Вместе с тем следует заметить, что сам факт возникновения «настоящих» «народных» праздников и стихийных демонстраций говорит о том, что высокий сценарий «главных» государственных праздников был не только хорошо усвоен советскими людьми, но и находил отклик в душах и отвечал каким-то внутренним потребностям.

Праздник и повседневная жизнь

Праздник всегда воспринимается на фоне обыденной жизни как некий ее перебив в противоположность. Иными словами, на празднике все (или хотя бы многое) происходит не так, как обычно. На короткое время все трудности быта, неустроенность и полуголодное существование оказывались как бы в другой жизни. Разумеется, имплицитно они присутствуют в воспоминаниях, но прямые ссылки на них возникают лишь в тех случаях, когда информант старается объяснить те мотивы праздника, которые вне такого сопоставления могут быть непонятны.

Инф. 1: Малышня такая вся счастливая бегала тут. И свистульки свистели, и раскидайчиками кидали, и там флажки, мороженое.

Инф. 2: Конфетками шоколадными угощали.

Инф. 1: Это же мы тогда не могли себе, это же не было обыденным. А это же было...

Инф. 2: И повседневным. Такого ведь не было, понимаешь?

Инф. 1: Да, не было, конечно. Это праздник был [Н-07, PF1, Инф. 1 — женщина 1940 г.р.; Инф. 2 — женщина 1939 г.р.].

Инф.: Ну потом весь город гремел музыкой. Всюду были включены эти самые громкоговорители, которые орали музыку, всякие марши очень бодрые и там... энтузиастов и так далее: «Мы — самые хорошие, мы самые...» — это всё прочее.

Соб.: То есть это тоже создавало праздничное [настроение]?

Инф.: *Это создавало... на фоне молчания — и вдруг это всё поет кругом! Все накручено было идеологически очень здорово. Поэтому людей заряжали — как водкой. Заряжали. И причем заряжали буквально с пеленок. <...> А главное, ты идешь по проезжей части, а не по тротуару. Посреди. Это совершенно другое восприятие. Идешь — все со своими. [И далее:] Если солнце, и все так хорошо, эти искусственные цветы, эти красные флаги — м-м! На фоне серого, в общем, цвета нашего [Н-07, PF6, женщина 1932 г.р.]*

Инф.: *По Невскому можно было пройтись, где обычно ездят же машины. А тут ты можешь пройтись прямо посередине, днем. Это же... как-то создавалось такое праздничное настроение [Oxf/Lev SPb-03, PF15, женщина 1969 г.р.]*

По словам одной информантки, в послевоенные годы фоном, на котором воспринималась демонстрация, для женщин мог оказываться и недостаток мужского внимания, которое (как и должно быть во время праздника) перераспределялось в этот момент «более справедливым» образом, т.е. между всеми.

Инф.: *Ведь не надо забывать, что все-таки население было... в большом количестве женское. Мужчин после войны осталось мало. И женщины — это, как бы сказать, ну выразить себя. Какое-то ухаживание, флиртом даже не назовешь, а какое-то легкое вот такое вот. <...> Потому что без семей ведь приходят. Приходят, как бы сказать, с одного предприятия люди, с завода там, фабрики какой-то. И они танцуют вместе, поют вместе, могут там обнять тебя, ну вот мужчины проявляют внимание. Праздник ведь. Ну можно там, я не знаю, в щечку поцеловать в конце концов. А это, ну в общем это тоже необходимая часть, которой совершенно не было. Мало того, что туго жили, очень тяжело, материально невероятно тяжело жили — и этого ничего не было. А это возможность такая. Поэтому это вот, люди тридцати пяти, сорока, сорока пяти, пятидесяти лет — это все демонстрация, это все [Н-07, PF1, женщина 1939 г.р.]*

На сером фоне скудной и неустроенной жизни советского человека организаторы государственного праздника обладали достаточным диапазоном средств для поднятия настроения трудящихся.

Звуки праздника

Праздник начинался необычными звуками. Привычная утренняя тишина взрывалась бодрыми («праздничными») песнями из установленных на улицах громкоговорителей.

Инф.: *Эти праздники, они с чего начинались? Как все просыпались? [поет]: «Утро красит...!» — все репродукторы всего города орала сразу! «Утро красит нежным цветом... — и так далее, —*

Просыпается с рассветом вся советская страна. Ветерок бежит по...» В общем первоклассные стишки вот эти, они... Ну если бы один там пищал репродуктор, а тут все! [Н-07, PF3, мужчина 1940 г.р.].

Необычный звуковой режим был неременным элементом «технологии» создания праздничного настроения. Здесь нужно учесть, что советский человек был очень чуток к звукам. Непривычный звук незнакомых шагов, неурочный шум подъезжающей машины — все это грозило по меньшей мере неприятностями. Праздничный грохот избавлял его от этого подсознательного процесса и уже поэтому действовал расслабляюще, давал ощущение безопасности. Причем во время праздника у человека появлялась уникальная возможность самому производить шум: кричать, петь, играть на музыкальных инструментах. После войны праздничный шум дополнился салютами, которые добавили возможность кричать «Ура!» после каждого залпа. Не случайно о музыке, песнях, шуме упоминается практически в каждом воспоминании. Приведем несколько фрагментов.

Инф. 2: *Надо сказать, агитация и пропаганда имела свое воздействие. Она же была регулярная, тем более в праздничное, предпраздничное [время]. Эти приемники, на улице громкоговорители всюю работали.*

Инф. 1: *Музыка сразу же, музыка. «Утро красит...» — вот песня.*

Инф. 2: *Так что... поднималось настроение, и ощущалась необходимость даже вот такая, чтобы идти на эти демонстрации [Н-07, PF4, Инф. 1 — женщина 1927 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1929 г.р.].*

Инф.: *А как же! Оркестры играли. Вдоль улиц стояли оркестры, играли оркестры, всё. Все это было очень интересно, я говорю, кругом оркестры! Из репродукторов музыка! Гром гремит везде! Салютов правда не было до войны [Н-07, PF8, мужчина 1931 г.р.].*

Инф.: *Это... музыка — это вот именно вот... я вот так пересчитывал, что влияло. Конечно, музыка. Конечно. [И далее:] Вот выключи музыку, и поверьте, это было б просто обыкновенное какое-то шествие людей: топ-топ [Н-07, PF3, мужчина 1940 г.р.].*

Краски праздника

Необычный, но безошибочно распознаваемый как праздничный звуковой натиск заставлял людей выйти на улицу, даже если они не собирались принимать участие в самой демонстрации. Здесь тоже не так, как обычно, но уже не только для уха, но и для глаза.

Инф. 2: *Да, в общем-то это красочное зрелище.*

Инф. 1: *<...> В общем, ну не бразильский карнавал, конечно, но что-то. Советский карнавал. Советский, кумачовый. Ну там*

цветочки красные прицепляли, ленточки какие-то, бантики там, не знаю что. <...>

Инф. 2: *Раскидай. Потом шарики воздушные. Обычно их так не продавали, а тут... на палках вот эти вот на ниточке привязаны были. И вот такие вот букеты из этих шариков. Это детям нравилось.*

Инф. 1: *Это было достаточно... как это сказать... в том понимании, в понимании того времени, красочно. На фоне серых будней это было красочное представление [Н-07, PF6, Инф. 1 — женщина 1932 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1933 г.р.].*

Это «буйство красок» нередко дополняется еще одним мотивом — воспоминанием о погоде, которая реально не всегда соответствовала праздничному настроению (особенно в ноябрьские торжества), но воспоминания людей часто корректируют ее в нужную сторону.

Инф.: *И почему-то все время, мне вот помнится, что был всегда солнечный день. Вот всегда, вот помнится, вот картинка [перед глазами] — солнечный день! [Н-07, PF3, мужчина 1940 г.р.].*

Мотив погоды важен еще и потому, что необычно выглядели не только знакомые улицы, но и знакомые люди, поскольку в праздники все старались одеться в новую (праздничную) одежду. Одеться в новое считалось необходимым не столько на ноябрьский праздник, сколько на 1 Мая. На это есть свои причины. И до революции новую одежду полагалось надевать раз в году — на Пасху, а если учесть, что празднование Пасхи и 1 Мая близки по времени, то приурочение «обновления» к 1 Мая вполне закономерно. Собственно, один из главных мотивов первомайского праздника связан именно с новым нарядом.

Инф.: *Ой, 1-е мая — это было вообще великолепно. Но нам никогда не дава[ли], уже казалось, что тепло, но мама всегда, я как сейчас помню, она нам [с сестрой] сшила пальтишки с пелеринами, такие шляпки, и мы такие нарядные, нам так хотелось раздеться, потому что там платьица, сшитые мамой, тоже было интересно [Н-07, PF5, женщина 1931 г.р.].*

Инф.: *Флаги, цветы, музыка — вот сразу давало настроение. Все! Все выходили, и еще главное — все в новом. В новом! Вот. <...> Тогда считалось — рабочая как бы одежда и праздничная. И все к празднику, к 1-го Мая <...> — я и по себе сужу — конечно, новые скороходовские ботиночки, новый костюмчик. Ну в общем все выходили — друг на друга смотрели. Что у кого, какая новая эта... покупка [Н-07, PF3, мужчина 1940 г.р.].*

Праздничный день не заканчивался демонстрацией. До войны во многих районах города «показывали кино» (экранами служили пустующие стены домов или их устанавливали на грузо-

виках); в садах и парках сооружали небольшие эстрады для выступлений и танцев. Уже в послевоенные годы установилась традиция праздничных салютов.

Инф.: *И там, у Кировского этого, Дворца культуры тоже кино шло на улице. И здесь шло кино на улице. И во многих местах Васильевского острова, а по городу тем более. <...> Показывали «Чапаева»... какие тогда фильмы были... «Девушка с характером», там еще. Ну я уж забыл. Ну вот те фильмы, патристические. <...> В праздники на некоторых улицах выезжали грузовые машины, на них был экран, и на них проектировалось кино, показывали. На машинах, не только на стенах. Да, на машинах были экраны большие, на грузовых, и тоже аппарат стоял, и проектор... И вокруг это стояли. Причем иногда даже мы смотрели с той стороны, с обратной стороны экрана. <...> Ну он же... прозрачный [Н-07, PF8, мужчина 1931 г.р.]*

Продуктовое изобилие и выпивка

Советский праздник, как и архаический ритуал, организуется таким образом, чтобы все органы чувств, все каналы связи человека с внешним миром были задействованы в максимальной степени [Байбурин 1993: 201–223]. При такой тотальной «загрузке» вполне естественно, что для создания необходимого настроения использовались не только акустические и визуальные, но и тактильные и вкусовые ощущения. Впрочем, само лицемерие продуктового изобилия было значимой составляющей праздничного впечатления. Не все могли позволить себе насладиться продающимися деликатесами, но все могли полюбоваться.

Инф.: *Ну там вдоль [улиц] стояли столы со всякими бутербродами, фруктами, водой газированной, там что еще, лимонадами, ну пиво. <...> То есть, в праздничные дни улицы тоже превращались в такой что ли, как бы сказать, ну ресторан, будем так, грубо говоря. Да. По многим улицам, центральным я имею в виду, вот Большой проспект на Васильевском, Большой проспект на Петроградской там и еще несколько улиц у нас превр[ащались]... там, где шли демонстрации <...> Какая-то была центральная улица, вдоль нее эти вот столы выстраивались, там всякие дефициты. Ведь тоже было плохо с продуктами — и до войны, и после войны [Н-07, PF8, мужчина 1931 г.р.]*

По поводу спиртного существуют серьезные разночтения. Многие отмечают, что спиртное для демонстрации запасали заранее. Мотивировалось это тем, что все магазины по маршруту следования праздничных колонн были закрыты. По воспоминаниям других информантов, улицы, наоборот, превращались в ряды распивочных точек.

Инф. 2: *В первых этажах были организованы буфеты. И ты подходил к окну, там тебе водку наливали, бутерброды...*

Инф. 1: *Да, подогревали людей. Не в смысле согреться, а в смысле энтузиазма.*

Инф. 2: *Да. <...> Это вот как раз сорок восьмой, сорок седьмой, вот после войны. Вот когда отменили карточки, когда вот это всё. И было уже что-то, что поест.*

Инф. 1: *Вот пятидесятые годы. И позже, когда стал утихать энтузиазм [Н-07, PF6, Инф. 1 — женщина 1932 г.р.; Инф. 2 — мужчина 1933 г.р.].*

Инф.: *Под этим делом много было народу.*

Соб.: *А «под этим делом» — это с собой брали, или продавалось прямо на улицах?*

Инф.: *Продавалось, да, продавалось. Я не... боюсь сказать, что, продавалась ли водка, но пиво и вино точно продавалось. Но чаще всего наверно с собой брали. Мне так кажется. <...> Потом мы, вот когда я уже работал [на заводе], с собой брали. Возьмем, у меня — я начальником участка был — у меня сто двадцать литров спирта шло этилового в месяц. Я мог взять пару литров [Н-07, PF8, мужчина 1931 г.р.].*

Хорошо известно, что «брать с собой» на демонстрацию было весьма распространенной практикой. Принесенное старались не афишировать, для чего проявлялись чудеса смекалки, как в описанном выше случае с грелкой с водкой и отведенным от нее шлангом. Разумеется, во время демонстрации старались «знать меру», поскольку до ее окончания все участники находились под неустанным контролем различного рода «ответственных», а также переодетых сотрудников милиции и КГБ. Вместе с тем людям было известно, что в дни всенародных праздников правоохранительные органы иначе обращаются с теми, кто не удержался и перепил, поскольку в праздничном контексте это расценивалось не как пьянство, а как приобщение к всенародной радости.

Инф.: *Милиция просто это все очень хорошо знала. Она, они конечно получали особые указания. Там пьяненьких не трогать, так по возможности домой, домой, домой. <...> Нет, вытрезвители были к услугам всех, кто, так сказать, в этом нуждается. Но старались, так сказать, мягкими способами. <...> Ну выпил человек! Но в этот момент, так сказать <...> ну в общем главный милиционер города мог сказать своим подчиненным: «Имейте в виду, что народ трудился славно! Ждал этого праздника! Ну если кто перебрал — ну так вы, так сказать, помогите» [Н-07, PF11, мужчина 1929 г.р.].*

Что касается политики властей по отношению к продаже спиртного, то, видимо, важно не то, закрывали рюмочные и магази-

ны или, напротив, «подогревали» народ, а то, что власти так или иначе пытались искусственно регулировать употребление алкоголя таким образом, чтобы это соответствовало их представлениям о всенародном празднике. Как видим, люди это помнят, даже если расходятся во мнении, как именно их пытались регулировать: подпоить или не дать выпить. Любопытно, что в этих случаях обязательно возникает мотив сопротивления такому регулированию: рюмочные и магазины закрывали, а люди все-таки находили, где выпить; продавали пиво и вино, а они приносили водку и спирт с собой; в рассказах женщин может подразумеваться, что всех пытались подпоить, но они-то не пили.

Парадокс солидарности

Музыка, яркие краски, еда и выпивка — все это, безусловно, важные слагаемые праздника, но не главные. По воспоминаниям наших информантов, главным оказывалось ощущение общности с множеством нарядно одетых и благожелательных людей на обычно полупустых улицах. Нередко эти воспоминания оказываются весьма созвучны официальной модели «советского счастья», точнее обнаруживают некий внутренний отклик на нее. При этом информанты стремятся объяснить, что восприятие праздника не было им навязано, и дежурные фразы о солидарности — для них не пустой звук.

Инф.: *А вот вы знаете, как ни странно, но вот то, что внушали, что это праздник солидарности, вот какой-то общности, вот это было внутри. <...> Вот я девчонка же была. Понимаешь? А вот это я чувствовала. Мне ж никто не говорил этого. Но вот когда ты выходил на улицу, вот ощущение общности людей!.. <...> Что они вот как-то раскрыты, что они доброжелательны, они вместе! Не каждый сам по себе, а вместе они. Не просто они вот, как бы толпа собрались. <...> Это удивительное чувство. Потому что, я говорю, это не то, что мне вот как бы объяснили, что так будет. Это было ощущение внутреннее. <...> Вот, ну вот ощущали вот — мы вместе!* [Н-07, PF1, женщина 1940 г.р.]

По-видимому, женщина чувствует некоторую неловкость от того, что ее ощущения совпадают с официальной риторикой тех лет («торжество солидарности», «единство партии и народа», «советский народ как единая общность»), но вынуждена признать, что в ситуации праздника это единство имело место. Более того, именно это ощущение делало праздник Праздником. Собственно, ничего необычного здесь нет, ибо для всякого человека в ситуации праздника характерно ощущение себя частью какого-то коллектива — семьи, деревни, группы прихожан, коллектива сотрудников. Всенародные праздники давали

возможность почувствовать общность с целой страной — происходило своего рода повышение ранга этого ощущения, изменение качества переживания. Не случайно мотив общности «со всей страной» как характерной черты «больших праздников» сталинской эпохи является постоянным. Ср. в другом воспоминании:

Инф.: *Понимаете, какое-то вот, общность какая-то, вот чувствуешь, что ты тоже какой-то человек вот этой вот массы, вот этой вот, этой страны [ЕУ Пб-01, ПФ-10, женщина 1939 г.р.]*

Невольно вспоминаются строчки Маяковского:

Я счастлив, что я этой силы частица, / что общие даже слезы из глаз.

Ощущение причастности к огромной массе людей становится не только квинтэссенцией праздничности (можно сказать — самой праздничностью), но и основанием для своего рода типологии праздников: ни семейные праздники, ни такие общие, как Новый год, не могут конкурировать с государственными праздниками именно потому, что они лишены этого качества.

В результате получалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, люди часто стремились «сделать» праздник менее официальным и более «своим», для чего необходимо было изменить масштаб, превратить его из «общенародного» в максимально приватный. С другой стороны, ощущение общности с огромной массой других людей придавало празднику тот особый настрой, который, вероятно, и способствовал тому, что чувство общности и единения «с целой страной» не всеми и не всегда осознавалось как навязываемое. Особенно ярко это проявлялось в ситуациях «настоящих» праздников, таких как первый полет человека в космос.

Угасание всенародных торжеств воспринималось неоднозначно. Кто-то радовался, кто-то огорчался. Но сейчас даже среди тех, кто относился к советским праздникам с некоторым скепсисом, распространены ностальгические настроения. Вместе с праздниками ушло ощущение всеобщего ликования, к которому люди так привыкли.

Инф.: *Понимаешь, когда люди в обыденной жизни, они разобщены, да? Ну каждый внутри своей семьи, переживает там разные эмоции. А когда ты имеешь возможность выйти на улицу и почувствовать, что вот разные люди и тебе незнакомые, они доброжелательно к тебе настроены, они вот так же ощущают это, этот день как праздник. И людям хочется быть вместе и выразить эту радость свою, вот свое удовольствие, вместе каким-то образом, понимаешь? Ну это очень здорово было. То есть ты чувствовал,*

вот кожей чувствовал, что это праздник. [И далее:] Вот это постепенно уходило. И уходило это ощущение праздника. Вот это ощущение единства людей. У каждого какое-то свое, свой взгляд и свое восприятие вот этого всего, понимаешь? Ну и вот началось, вот разъединение людей [Н-07, PF1, женщина 1940 г.р.]

Как видим, специфический симбиоз официального и личного счастья был неотъемлемой частью мироощущения нескольких поколений людей, чьи взгляды складывались в советскую эпоху. Отдельного, «своего счастья» теперь для многих оказывается недостаточно. Исчезли праздники, в которые люди чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Как сказано на одном из форумов русского Интернета, «украли кусочек моего счастья»¹.

Библиография

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.
- Душечкина Е.В.* Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.
- Журавлев А.Ф.* Доля // Славянские древности / Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 113–115.
- Залаяева А.Р.* Концепт «счастье» в современном русском языке // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. Казань, 2004. С. 268–269.
- Киселева Е.* Кино по субботам от «ПРАВДЫ.Ру» // Информационно-аналитическое Интернет-издание Правда.РУ. 14 сентября 2002 г. <<http://news.pravda.ru/culture/2002/09/14/47050.html>>.
- Колесов В.В.* «Судьба» и «счастье» в русской ментальности // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий: Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Сер. «Мыслители». СПб., 2002. Вып. 11. С. 98–106.

¹ В последнее время настроения ностальгирующих по советскому прошлому людей стали более оптимистичными, поскольку возвращение идеалов прежней жизни ощущается вполне отчетливо. Как и следовало ожидать, формулы советского счастья никуда не исчезли. Они лишь ждали своего обновления, которое уже началось. Из отчета о новом молодежном движении: *Маленькие Мишки сразу решили попросить президента Владимира Путина возглавить движение, а за все уже сделанное благодарят его калькой с лозунгов времен Иосифа Сталина: «Спасибо Путину за наше стабильное будущее»* <medikportal.ru/engine/print.php?newsid=8281&news_page=1>.

- Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003.
- Мальшева С.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.
- Потебня А.А.* О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 472–551.
- Самойлов Д.* Дневник счастливого мальчика // Знамя. 1999. № 8. С. 148–167. (См. также: <<http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/samoilov.html>>.)
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить. СПб., 2002.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Von Geldern J.* Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993.
- Lane Ch.* The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society. Cambridge, 1981.
- Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.